
ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Почему способы говорить о цвете могут быть интересны для философа?*

© 2020 г. З.А. Сокулер

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет,
Москва, 119991, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4.*

E-mail: zasokuler@mail.ru

Поступила 18.11.2019

Витгенштейновские «Заметки о цвете» (выборочный перевод которых публикуется ниже) не являются попыткой вмешаться в спор Гёте с Ньютоном по поводу природы цвета. Опыт восприятия цвета и высказывания по поводу цвета дали Витгенштейну новый материал для того, чтобы показать ограниченность эмпиризма в его трактовке чувственного опыта и развивать свое учение о значении как употреблении. Наши высказывания о цветах, как показывает Витгенштейн, подчиняются сложной сети правил. В этих правилах можно было бы усмотреть индуктивные обобщения опыта или отражения устройства нашего воспринимающего аппарата, однако важно не их происхождение, а то, что разнородный материал, обусловленный и устройством органов чувств, и опытом внешнего мира, скрепляется и затвердевает в правилах языка, а затем, будучи отлит в этих правилах, живет уже по законам языка.

Ключевые слова: Л. Витгенштейн, язык, аналитическое, синтетическое, значение, эмпиризм, правило, чувственный опыт, индукция.

DOI: 10.21146/0042-8744-2020-6-139-145

Цитирование: Сокулер З.А. Почему способы говорить о цвете могут быть интересны для философа? // Вопросы философии. 2020. № 6. С. 139–145.

* Статья подготовлена в рамках деятельности Выдающейся научной школы МГУ им. М.В. Ломоносова «Трансформации культуры, общества и истории: философско-теоретическое осмысление».

Why the Ways to Speak of Colors can be Interesting for the Philosophers*

© 2020 Zinaida A. Sokuler

*Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University,
27/4, Lomonosovsky av. GSP-1, Moscow, 119991, Russian Federation.*

E-mail: zasokuler@mail.ru

Received 18.11.2019

Wittgenstein's *Remarks on Colour* (a sample translation of which is published below) are not an attempt to interfere with Goethe's critics of Newton's theory about the nature of colour. The experience of colour perception and statements about colour gave Wittgenstein the opportunity to show the shortcomings of empiricism in its interpretation of sensory experience, and to develop his understanding of the meaning as use. Our statements about colours, as Wittgenstein shows, obey a complex network of rules. One could see these rules as an inductive generalization from experience or product of our perceiving apparatus, but their origins is not so important. What is of importance is their use as rules. The heterogeneous material due to our sensory apparatus as well as to the regularity of the physical world is sealed and solidified in the rules of the language, and then lives according to the laws of language.

Keywords: Wittgenstein, language, analytical / synthetical, meaning, empiricism, rule, sensory experience, induction.

DOI: 10.21146/0042-8744-2020-6-139-145

Citation: Sokuler, Zinaida A. (2020) "Why the ways to speak of colors can be interesting for the philosophers?", *Voprosy Filosofii*, Vol. 6 (2020), pp. 139–145.

Витгенштейновские «Заметки о цвете» [Wittgenstein 1977] не являются специально написанной работой. Ученица и душеприказчица Витгенштейна Элизабет Энском приняла решение выбрать из обширного неопубликованного корпуса подготовительных материалов заметки, относящиеся к цвету, и издать их отдельной книжкой. Одна часть этих рукописей относится к весне 1950 г. (эти заметки составили раздел III, самый значительный по объему), другая – к весне 1951 г. (раздел I). Самый маленький по объему раздел II составлен из заметок, относительно которых у издателя не было уверенности, когда именно они создавались: до или после рукописей, вошедших в раздел III. И вот, собранные вместе, они ставят перед читателем вопрос: ради чего Витгенштейн так пристально всматривается в оттенки, смешения красок, возможные и невозможные способы описывать и сравнивать оттенки? Что именно он ищет, что не дает ему покоя?

В «Заметках» часто повторяется имя Гёте, который, кроме всего прочего, создал собственное учение о цвете [Гёте 2012] и критиковал ньютоновскую теорию природы цвета. Может прийти в голову мысль: не для того ли Витгенштейн писал свои заметки, чтобы защищать поэтическую натурфилософию Гёте против механистичного, сциентистского учения Ньютона? – Нет, для подобного предположения публикуемые заметки не дают никакого основания. Витгенштейн и сам поясняет, что его вопросы не из области

* This research project was supported by the Outstanding scientific school of Lomonosov Moscow State University "Transformations of culture, society, and history: a philosophical and theoretical reflection".

физики, а об учении Гёте замечает, что это вообще не теория. Витгенштейн не претендует также и на то, чтобы сообщить какие-то не известные науке факты о нашем восприятии цвета: ведь он всегда оставался убежденным в том, что философия должна быть не теорией, а деятельностью по прояснению наших высказываний и мыслей. К тому же он всегда повторял, что философская аргументация не требует специальных предметных знаний, и объяснял, что не дает никаких новых истин, а только метод, который является чисто дескриптивным. Его метод состоит в описании различных случаев употребления обсуждаемого выражения. При этом не показывается ничего такого, что не было бы и без того известно: «Философия никоим образом не должна нарушать повседневное использование языка; она может в итоге только описывать его. Также она не может обосновывать язык. Она оставляет все как есть» [Витгенштейн 1994^а, 130].

Поэтому не нужно приписывать Витгенштейну намерение вмешаться в физику (в данном случае – объяснения природы цветов) и что-то в ней подвергнуть сомнению или переделать. Тогда чего же он ищет, что он хочет понять – или показать? И кому показать?

Жанр своей работы Витгенштейн в данных заметках называет логикой. Так, в § 22 части I он объясняет: «Мы ищем не теорию цвета (физиологическую или психологическую), а скорее, логику цветовых понятий. И это позволит достичь того, что часто ошибочно ожидалось от теории» [Wittgenstein 1977, 5]. В других своих текстах Витгенштейн употребляет выражение «философская грамматика», но я думаю, что речь идет о том же самом роде исследований. В философской грамматике, как ее видел Витгенштейн, не делается, опять-таки, никаких открытий и не высказывается ничего такого, с чем не согласилась бы любой компетентный пользователь языка. Тем не менее философская грамматика способна избавить нас от многих философских затруднений. Ее главными методами являются подчеркивание различий, показ того, что некоторые аналогии являются ложными, перенесение внимания с форм языковых выражений на их употребление и т. д. Технику подчеркивания различий мы и видим прежде всего в «Заметках о цвете».

Но что, собственно, Витгенштейн собирается прояснить? Мне представляется, что речь идет о вещах, принципиально важных для судьбы философии эмпиризма, хотя не только для нее, но и для тех направлений, которые надеются на строгое, точное и безусловное описание нашего чувственного опыта, всматриваясь только в этот опыт и не оглядываясь кругом – на контексты, в которых существует подобный опыт, и на язык, которым мы его описываем.

Краеугольным камнем эмпиризма остается убеждение в непосредственном чувственном опыте, а также в том, что у нас есть возможность фиксировать его неким образом, не замутняющим его чистоту и непосредственность. Такого рода высказывания, в чистом виде доносящие непосредственные данные, в традиции аналитической философии иногда назывались «базисными суждениями», а парадигмальным примером такого рода суждений часто выступало высказывание «Это – красное».

В XX в. к основополагающему представлению эмпиризма о чистом чувственном опыте и возможности его фиксации в языке добавилось различие аналитических и синтетических суждений. Аналитические высказывания неопровержимы, мы не можем представить себе противное им, потому что они истинны в силу значений входящих в них слов. Например, то, что квадрат есть прямоугольник, истинно в силу значения слова «квадрат», ибо по определению квадрат есть прямоугольник с равными сторонами. В то же время мы не можем представить себе противного тому, что одна и та же поверхность не может быть одновременно синей и красной (разумеется, если речь идет обо всей поверхности, а не о ее частях); не может быть красно-зеленого цвета; не бывает раскаленно серого цвета. Но из каких определений цветов это следует?

Так цвета подталкивают к переосмыслению дихотомии аналитического – синтетического, причем «Заметки о цвете» одновременно направлены и против представления

о чистом чувственном опыте и его чистой фиксации в предложениях, и против представления об однозначном противопоставлении логических и эмпирических предложений.

Для Витгенштейна цвета, оттенки и возможные высказывания о них выступили своего рода лабораторией, работая в которой, т. е. внимательно всматриваясь в сложности и тонкости принятых способов говорить о цветах, их сходствах и отличиях, Витгенштейн наблюдает разнообразие и сложность принятых у людей языковых игр.

Многие обсуждаемые им примеры взяты из письма художника Ф.О. Рунге к Гёте (03.07.1806) (см: [Kuehni 2008 web]). Может быть, поэтому в «Заметках о цвете» так часто всплывают темы смешивания красок, «основных цветов», вопрос о том, почему нет прозрачного белого, и утверждение, что черный «загрязняет» прочие цвета. Рунге писал именно об этом. Витгенштейн не принимает утверждения Рунге за безусловную истину, исходя из того, что якобы художнику должно быть виднее, но его интересует сама возможность выдвигать подобные утверждения. Витгенштейн всматривается в них, словно экспериментируя с ними.

Прежде всего «Заметки о цвете» предъявляют нам несводимое разнообразие и сложность правил, которым подчиняются высказывания о цвете. Не тому ли, т. е. разнообразию и сложности правил языка, посвящены все заметки Витгенштейна, будь то «Философские исследования», которые с первых же строк задают тему разнообразия функций слов, или «Лекции по основаниям математики», которые и начинаются с того, что Витгенштейн видит своей задачей подчеркивать различия там, где принято искать сходства [Wittgenstein 1976, 15]?

«Заметки о цвете» показывают, как Витгенштейн заставляет себя всматриваться в сложности, не щурясь и не зажмуриваясь, несмотря на то, что это вынуждает идти против основной тенденции научного, философского и логического мышления, состоящей в том, чтобы обобщать и упорядочивать. Я. Хакинг заметил как-то, что Витгенштейн постоянно боролся с Расселом в себе [Hacking 2014, 111]. Я понимаю это замечание в том смысле, что Витгенштейн боролся со склонностью не придавать значения многообразию и отклонениям от канонической формы, не видеть их либо загонять все в жесткие рамки простых однозначных дихотомий. Размышления о восприятии цветов и описаниях подобных восприятий оказались в этом плане прекрасным «фитнесом» для мышления философа.

Витгенштейн сам порой пытается определить жанр собственных заметок, упоминает феноменологию (правда, я не берусь сказать, что именно он понимает под этим словом), часто говорит о психологии. В самом деле, он описывает опыт восприятия, но насколько отличается этот опыт от представлений эмпиризма о чистом чувственном опыте! Например, на черно-белой фотографии мы можем увидеть блокурые волосы и много разных оттенков цвета, тогда как сама фотография представляет собой лишь разные оттенки серого. Или мы видим белое эмалированное ведро, тогда как его бока находятся под разными углами к свету и должны были бы выглядеть иначе, чем обращенная к нам часть. Мы можем видеть белые шторы в полутемной комнате, но художник, изображающий этот интерьер, не использовал бы для передачи цвета штор чистый белый – он смешал бы краски для получения определенного оттенка серого. Мы не воспринимаем по отдельности оттенки цветочных пятен, но наше восприятие зависит от окружения, в котором находится данное цветочное пятно. Восприятие цвета неразрывно связано с восприятием формы, глубины и т. д. Неслучайно художник может на плоскости полотна с помощью цветов и оттенков передать глубину, объем, гладкость или шероховатость поверхности.

И Гёте, и Рунге рассуждают о том, какое действие оказывают на человеческую психику те или иные цвета. Но Витгенштейн замечает, что один и тот же цвет может оказывать разное воздействие в зависимости от окружения, например, когда один и тот же оттенок выступает как цвет наливого кровью глаза либо как цвет драпировки.

Таким образом, цвет или оттенок не являются простым чувственным данным. Они несут в себе нечто большее, что Витгенштейн называет логикой цветочных понятий. Так, в § 49 части I он замечает: «Два места в моем окружении, которые в одном смысле

я вижу одинаковыми по цвету, могут в другом смысле выглядеть для меня одно как белое, другое – как серое. В одной связи, этот цвет для меня белый в слабом освещении, в другой – серый в хорошем освещении. Это предложения о понятиях “белого” и “серого» [Wittgenstein 1977, 8].

Повторю еще раз, что речь у Витгенштейна идет не о психологии восприятия, а о логике наших представлений и высказываний о цвете. В данной связи оказывается возможным говорить о том, какого рода цветовых восприятий у нас никогда не будет. Так, Рунге пишет, что «...помыслить о голубовато-оранжевом, красновато-зеленом или желтовато-фиолетовом все равно, что помыслить о юго-западном северном ветре» [Runge 1806, 62], и Витгенштейн цитирует эту фразу Рунге в § 21 части I и § 94 части III. Не существует прозрачного белого, ослепительно серого цвета. Но на чем основана возможность подобных утверждений? Они похожи на индуктивные обобщения опыта. В самом деле, мы не можем привести пример вещества, которое при сильном нагревании светилось бы серым цветом. Мы не встречались с прозрачной и в то же время белой средой. В любом случае, утверждения, что не существует прозрачного белого, или ослепительно серого, или красновато-зеленого, не являются аналитическими, хотя в то же время от индуктивных обобщений эмпирических констатаций их отличает необходимость и всеобщность: утверждается не то, что мы до сих пор не встречали, но что не может быть подобных вещей.

Надо сказать, что именно утверждениям, которые выглядят вполне содержательными и эмпирическими, но не подвергаются сомнению и высказываются как необходимые, посвящена значительная часть витгенштейновой работы в области того, что он сам называл философской грамматикой. В частности, им посвящены заметки, объединенные под заголовком «О достоверности» [Витгенштейн 1994⁶]. Витгенштейн внимательно всматривается в ситуации, когда люди видят много единообразных примеров и не видят (или не замечают) исключений, и тогда соответствующее обобщение меняет свой статус, получает новое употребление: оно становится правилом, выступая отныне в качестве критерия для оценки и описания нового опыта. Чтобы понять, правило перед нами или эмпирическая констатация, надо обращать внимание на его употребление, тогда как аналитическая философия, пытаясь расклассифицировать предложения на аналитические и синтетические, обращала внимание только на структуру предложений и на значения входящих в них выражений.

Философская грамматика Витгенштейна показывает, что любой наш опыт пронизан густой сетью правил языковых игр, при том что у нас есть разнообразные языковые игры, в которых действуют разные правила. Порой то, что выступает (употребляется), как правило, в одних ситуациях, в других остается эмпирической констатацией. Витгенштейна особенно привлекают такие двойственности, поскольку они ответственны за большую часть философских затруднений. Так, в § 32 части I «Заметок о цвете» он объясняет: «Предложения часто употребляются на границе между логикой и опытом, так что их смысл при переходе через границу меняется то так, то эдак, и они трактуются то как выражение нормы, то как выражение опыта. (Поскольку не сопутствующее психическое явление – как мы представляем себе “мысли”, – но употребление отличает логическое от опытного.)» [Wittgenstein 1977, 6–7]. Аналогичный подход Витгенштейн развивает и в своей философии математики. Если философы традиционно спорили о том, являются ли истины геометрии и арифметики априорными, или в них воплощен эмпирический опыт, то Витгенштейн привлекает внимание к сдвигу в их употреблении, после которого они, даже если и происходили из опыта, получают статус не подвергаемых сомнению правил.

Витгенштейн говорит о правилах языковых игр, хотя в «О достоверности» [Витгенштейн 1994⁶] чаще используется выражение «формы жизни». В любом случае, речь идет о том, что правила выглядят как эмпирические предложения, однако отличаются тем, что мы не сможем понять человека, высказывающего несовместимые с ними утверждения. Это сближает их с аналитическими. К тому же они вообще редко формулируются явно, а в случае явной формулировки мы не совсем понимаем, зачем нам

об этом говорят, поскольку мы знаем это не хуже, чем делающий такое сообщение. В § 241 «Философских исследований» Витгенштейн пишет о том, что «языковое взаимопонимание достигается не только согласованностью определений, но (как ни странно это звучит) и согласованностью суждений. Это, казалось бы, устраняет логику, но ничего подобного не происходит» [Витгенштейн 1994^a, 170]. Речь идет о согласии в суждениях, на которое опирается не просто язык, но наши языковые игры и формы жизни. Социализация новых поколений в этих формах жизни, возможная благодаря доверию ученика к учителю, предполагает согласие в некотором – не перечисляемом явно – множестве суждений, задающих новым поколениям картину того мира, в котором им предстоит жить и действовать. В рамках такой картины мира и множества суждений, играющих роль правил, получают значение отдельные слова нашего языка и становится возможным языковое общение.

Витгенштейн всматривается в языковые игры с описаниями цветов и оттенков, чтобы увидеть в них подобные правила. Но столь же важно для него не упустить из вида возможную смену разыгрывающихся языковых игр и соответствующие изменения в статусе высказываний.

Философская традиция требовала бы обсуждения вопроса о том, являются ли суждения, играющие роль правил, отражением реальности или они конвенциональны и произвольны. Позиция Витгенштейна состоит в том, что тут неуместны разговоры как об отражении, так и о произвольности. В «Заметках о цвете» на вопрос «Было бы правильно говорить, что в наших понятиях отражается наша жизнь?» Витгенштейн дает замечательный ответ: «Они находятся посреди нее» (§ 302 часть III) [Wittgenstein 1977, 57]. Важно то, что закономерности нашего языка пронизывают нашу жизнь, т. е., не будучи отражениями реальности, утверждения, играющие роль правил, и воплощенные в них представления о мире позволяют нам жить в этом мире.

Следующей важной темой «Заметок о цвете» является сложность и разнообразие правил, которым подчиняются практики описания цветов и оттенков. Вот, например, вопрос о сравнении оттенков цвета или о критериях тождественности для них. Интересно, что в «Лекциях по основаниям математики», ставя вопрос о том, каков критерий равенства отрезков в евклидовой геометрии, Витгенштейн помещает в этот же контекст и вопрос о критериях тождественности для оттенков цвета: «В обычной жизни у нас есть любого рода критерии равенства. <...> Такого же рода соображения применимы к таким вещам, как равные веса, тот же самый цвет, равное число и пр. Не будут ли критерии равенства очень разными в разных случаях?» [Wittgenstein 1976, 50]. Витгенштейн показывает, что критерии «того же самого» для цветов и оттенков достаточно неопределенны. Он также постоянно обращает внимание на то, что не все цветовые понятия следуют единой логике (ср., например, «желтый» и «золотой»; «прозрачный зеленый» и «прозрачный белый»; белый, черный и серый иногда выступают как цвета, а иногда как отсутствие цвета, и т. д.).

Способы говорить о цветах и их оттенках еще и потому оказались благодатным материалом для размышлений Витгенштейна, что на их материале оказывается возможным продемонстрировать следующее: обретя статус правила, некоторое высказывание оказывается включенным в языковую систему, которая живет уже по своим внутренним законам. Витгенштейн как-то заметил: «Мыслитель очень напоминает рисовальщика, пытающегося воспроизвести все взаимосвязи» [Витгенштейн 1994^b, 423]. Данное замечание хорошо подходит к его «Заметкам о цвете», ибо в них он неустанно пытается проследить, как логика цветовых понятий переплетается с логикой понятий другого рода, например, касающихся бинарных оппозиций, или различения объемов и поверхностей, а также многого, многого другого. Так, черное и белое иногда выступают как цвета, а иногда как отсутствие цвета, а еще как бинарные противоположности наподобие противоположности «истина – ложь».

Таким образом перед нами снова и снова открывается картина разнообразия, царящего в логике цветовых понятий. А эта логика является частью системы правил, задающей для нас образ реальности, в которой мы живем.

Поэтому «Заметки о цвете» касаются вопросов, способных вывести на центральные философские проблемы. Какой же урок дает нам Витгенштейн своей кропотливой фиксацией всего этого переплетения разнообразных правил? Думается, что они подтверждают замечание Витгенштейна, что «...работа в философии – как во многом и в архитектуре – это в значительной мере работа над самим собой. Над собственной точкой зрения. Над способом видения предметов» [Витгенштейн 1994^в, 427]. Прежде всего это работа над собой, направленная на то, чтобы не поддаваться соблазну упрощенных обобщений.

Источники – Primary Sources in Russian and Russian Translation

Витгенштейн 1994^а – *Витгенштейн Л.* Философские исследования // *Витгенштейн Л.* Философские работы Ч. 1. М.: Гнозис, 1994. С. 75–319 [Wittgenstein, Ludwig, Philosophische Untersuchungen (Russian Translation 1994)].

Витгенштейн 1994^б – *Витгенштейн Л.* О достоверности // *Витгенштейн Л.* Философские работы Ч. 1. М.: Гнозис, 1994. С. 321–405 [Wittgenstein, Ludwig, Über Gewissheit (Russian Translation 1994)].

Витгенштейн 1994^в – *Витгенштейн Л.* Культура и ценность // *Витгенштейн Л.* Философские работы Ч. 1. М.: Гнозис, 1994. С. 409–492 [Wittgenstein, Ludwig, Vermischte Bemerkungen (Russian Translation 1994)].

Гёте 2012 – *Гёте И.* Учение о цвете. Теория познания. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012 [Goethe, Johann. Zur Farbenlehre (Russian Translation 2012)].

Kuehni, Rolf G. (2008) web, Philipp Otto Runge's Color Sphere. A Translation, with Related Materials and an Essay, <http://www.iscc.org/pdf/RungeFarben-Kugel.pdf>

Wittgenstein, Ludwig (1976) Wittgenstein's Lectures on the Foundations of Mathematics. Cambridge, 1939, Diamond, Cora (ed.), The Harvester Press Ltd., Hassocks, Sussex.

Wittgenstein, Ludwig (1977) Bemerkungen über die Farben, Anscombe, Gertrude E.M. (Hg.) / Remarks on Colour, Anscombe, Gertrude E.M. (ed.), McAlister Linda L., Schattle, Margarete (trans.), Blackwell, Oxford.

References

Hacking, Ian (2014) Why is there philosophy of mathematics at all? Cambridge University Press, Cambridge (Russian Translation 2020).

Сведения об авторе

СОКУЛЕР Зинаида Александровна – доктор философских наук, профессор кафедры онтологии и теории познания философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Author's Information

SOKULER Zinaida A. – DSc in Philosophy, Professor of the Department of Philosophy of the Lomonosov Moscow State University.